Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/NWFUAR
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ПОЛЕМИКА О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭМИГРАНТСКОЙ КРИТИКЕ 20–30-х гг. XX в.

© 2024 г. А.В. Протопопова, И.А. Протопопов
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия
Дата поступления статьи: 17 марта 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 20 апреля 2024 г.
Дата публикации: 25 сентября 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-272-307

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01326)

Аннотация: В статье анализируется полемика, посвященная осмыслению путей развития русской литературы в эмиграции, в которой участвовали М.Л. Слоним, З.Н. Гиппиус, А.Л. Бем, В.Ф. Ходасевич, Г.В. Адамович. Рассматриваются критические воззрения Ходасевича и Адамовича в соотнесении с позицией Слонима, который полагал, что эмигрантская литература — это лишь ветвь от общего ствола той русской литературы, которая осталась в Советской России. Согласно Ходасевичу, литературная традиция в эмиграции не сложилась, а совокупность произведений отдельных авторов не смогла образовать того единства, которое можно было бы назвать эмигрантской литературой. Адамович, несмотря на отрицание возможности развития русской литературы в эмиграции, видел решение проблемы в художественном выражении индивидуумом себя в лишенных всякой красоты простых языковых формах.

Ключевые слова: русское зарубежье, эмиграция, русская литература, пути развития, З.Н. Гиппиус, М.Л. Слоним, В.Ф. Ходасевич, Г.В. Адамович, А.Л. Бем.

Информация об авторе: Анна Викторовна Протопопова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-4461-3349
E-mail: avprotopopova@yandex.ru

Иван Алексеевич Протопопов — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, 190000 г. Санкт-Петербург, Россия; доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, 119571 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2242-5512 **E-mail:** stiff72@mail.ru

Для цитирования: *Протопопова А.В., Протопопов И.А.* Полемика о путях развития русской литературы в эмигрантской критике 20–30-х гг. XX в. // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 272–307. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-272-307

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 3, 2024

POLEMICS ON THE WAYS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN LITERATURE IN RUSSIAN CRITICAL LITERATURE ABROAD IN THE 1920–1930S

© 2024. Anna V. Protopopova, Ivan A. Protopopov
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
St. Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation, St. Petersburg, Russia
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia
Received: March 17, 2024
Approved after reviewing: April 20, 2024
Date of publication: September 25, 2024

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Science Foundation (project no. 23-28-01326).

Abstract: The paper is devoted to the polemics on the ways of development of Russian literature in emigration, in which Mark Slonim, Zinaida Gippius, Alfred Bem, Vladislav Khodasevich, and Georgii Adamovich all took part. The article considers the critical views of Khodasevich and Adamovich in relation to the position of Slonim, whose article “Living Literature and Dead Critics” made these polemics central to the emigrant critical literature of the 1920–1930s. Slonim thought that emigrant literature was only a branch of the common trunk of Russian literature that remained in Soviet Russia. According to Khodasevich, any literary tradition representing Russian literature in emigration never developed, and the array of different works of individual authors could not form the unity called emigrant literature. Adamovich, even though he denied the possible development of Russian literature, believed that the problem could be solved by the artistic expression of an individual’s self in simple forms of language devoid of any beauty.

Keywords: Russian abroad, emigration, Russian literature, ways of development, Z. Gippius, M. Slonim, V. Khodasevich, G. Adamovich, A. Bem.

Information about the authors: Anna V. Protopopova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-4461-3349 **E-mail:** avprotopopova@yandex.ru

Ivan A. Protopopov, PhD in Philosophy, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Assistant Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St., 67-A, 190000 St. Petersburg, Russia; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo Prospekt, 82, bdg. 1, 119571 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2242-5512 **E-mail:** stiff72@mail.ru

For citation: Protopopova, A.V., and I.A. Protopopov. “Polemics on the Ways of Development of Russian Literature in Russian Critical Literature Abroad in the 1920–1930s.” *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 272–307. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-272-307

Большая полемика о путях развития русской литературы в эмиграции началась с того, что Зинаида Гиппиус под псевдонимом Антон Крайний в статье «Полет в Европу» («Современные записки», 1924, № 18) заявила, что русская литература после Октябрьской революции продолжает существовать только в Европе, тогда как в России ее уже давно нет. Самые крупные писатели и поэты вынужденно покинули страну, а те, кто остался, находясь под давлением большевистского строя, оказались лишены всякой литературной свободы и возможности что-либо творить [26, с. 46–49]. Как бы в ответ на статью Гиппиус с прямо противоположным воззрением выступил в своей статье «Живая литература и мертвые критики», опубликованной в «Воле России», Марк Слоним, позиция которого состояла в том, что значительная часть известных эмигрантских писателей, таких как И.А. Бунин, А.И. Куприн, И.С. Шмелев, сложились еще до революции и в эмиграции лишь продолжали свою прежнюю линию в новых условиях, тогда как молодые русские писатели не создали в эмиграции никакого нового литературного течения или традиции[1] [33, с. 383–385].

В своей статье Слоним не только приводит имена крупнейших поэтов и писателей, оставшихся в России после революции (А.А. Блок, В.И. Иванов, А.А. Ахматова, А. Белый, М.А. Волошин), но и перечисляет их выдающиеся произведения, которые прямо свидетельствуют о развитии литературы на Родине уже при советском строе, несмотря на все бедствия и крайне тяжелые условия жизни. При этом такие фигуры, как С.А. Есенин

1 Как считает Т.Г. Петрова, М. Слоним в этой своей статье «выступил *против подмены литературной критики тенденциозной публицистикой»,* собственно против которой выступала сама Гиппиус в дореволюционные времена (курсив Т.Г. Петровой. — *А.П., И.П.*) [8, с. 129].

и В.В. Маяковский, упоминаются в данном контексте лишь на полях [33, с. 384]. В отличие от мнения Слонима, позиция Гиппиус в данной полемике была связана с идеологически ориентированным подходом к анализу литературного процесса и фактическим игнорированием значения творчества тех литераторов, которые остались в России.

Критик и историк литературы Н. Андреев справедливо характеризует формулу, в которой выражается позиция З. Гиппиус, как «фактически неправильную» в данном случае, так как «целый ряд выдающихся писателей остался в Советской России, где они продолжали работать, но, главное, там возникло огромное количество новых авторов, начиная, например, с “Серапионовых братьев”, за которыми здесь с восторгом наблюдали». Слоним «возразил Гиппиус, что за границей могут быть русские авторы, пишущие талантливо, но центр литературы лежит, конечно, в России. По его мнению, русская литература “живая”, но критики ее “мертвые”»[2] [1, с. 95].

В более поздней статье «10 лет русской литературы» Слоним отмечал, что подобно тому, как революция не была равна в целом большевизму, невозможно поставить знак равенства и между русской литературой в России и литературным проектом советской власти [32, с. 516]. Вовсе не придерживаясь просоветских политических воззрений, в чем его нередко обвиняли, критик констатирует, что совсем «не коммунисты сохранили в самую тяжелую пору русское слово и русскую творческую мысль» в стране и не они создали десятки и сотни наиболее значимых произведений [32, с. 516].

Советская власть, согласно Слониму, попыталась заменить естественным образом существующую литературу целого народа на литературу, которая искусственно создавалась на основании политических распоряжений правительства, руководствовавшегося принципами марксистской идеологии [32, с. 518]. Попытки создания такой литературы закончились, как считает Слоним, полной неудачей, никакой особой пролетарской литературной традиции советской власти сформировать не удалось [32, с. 518]. Тем не менее русская литература, начиная с А. Блока и продолжая творчеством С. Есенина, В. Хлебникова, В. Маяковского, представленная затем

2 Е. Эткинд даже сравнивает критический подход З. Гиппиус к анализу литературы в России и в эмиграции с подходом пролетарского поэта Д. Бедного, объявляя З. Гиппиус и Д. Бедного противниками политическими, но отнюдь не эстетическими: «...как авторы рифмованно-газетных инвектив они принадлежат к одному литературному направлению» [16, с. 17–19].

выдающимися именами Б. Пастернака, А. Ахматовой, М. Цветаевой, вполне успешно развивалась вопреки всем попыткам замещения ее искусственным образом создаваемой советской властью пролетарской литературой [32, с. 519–524]. В статье «Живая литература и мертвые критики» Слоним утверждал, что в эмиграции в это время практически ничего не было создано, о чем пишет и сама Гиппиус, объясняя это явление особым писательским целомудрием, когда окружающая жизнь и потрясающие душу события, связанные с гибелью России, как они ее себе представляют, оказались непреодолимым препятствием для их творчества [33, с. 384].

Слоним вовсе не был одинок в такой оценке литературного процесса в России и эмиграции. Д.П. Святополк-Мирский, отстаивая право на возможность объективной литературно-критической оценки всего происходившего в советской и эмигрантской литературе, независимо от расхождений в идеологических подходах и политических воззрениях, также утверждал, в противоположность подходу Гиппиус, что революция не только не уничтожила настоящую литературу в России, но и, наоборот, в виде поэзии «возвысила ее и абсолютно, и относительно: абсолютно — усилив и укрепив индивидуально лучших из поэтов и подвигнув их на достижения высшие, иногда несоизмеримые с прежними; относительно — уничтожив почти всю непоэтическую литературу и обнажив до наглядности факт, угадывавшийся и раньше, что поэзия захватила все поле литературной деятельности и вытеснила всю прозу вон вовсе» [30, с. 394].

В творчестве поэтов, оставшихся в Советской России и принявших в том или ином виде революцию, Святополк-Мирский слышал голос будущего возрождения русской литературы:

> Именно поэты, застигнутые революцией, явили высокий духовный строй, бодрость и мужество, <благодаря которым> в годину тягчайших бед и глубочайшего отчаяния нам дано иметь великую поэзию [30, с. 395].

Проблема эмигрантской литературы, согласно Слониму, заключалась прежде всего в общем ощущении опустошенности, переживании распада и смерти, вызванными духовной оторванностью от Родины [33, с. 385].

Описывая общий безрадостный итог первых лет жизни в эмиграции, состоявший не только в том, что старые писатели не создали ничего нового,

но и в том, что в эмигрантской литературе не возникло каких-либо новых течений, Слоним утверждал, что если бы русская литература сводилась бы к эмигрантской, то можно было бы прийти в отчаяние [33, с. 385]. Следует отметить, что высказанное в данной статье воззрение Слонима относительно творчества старых писателей отражает то положение дел, которое сложилось в эмигрантской литературе на 1924 г., тогда как позднее вышли не просто значительные, но и выдающиеся произведения у И.А. Бунина, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева. Тем не менее такие взгляды Слонима нельзя объяснять, как это часто делалось, его изначально «просоветской» позицией при анализе литературных явлений. Как считал, например, известный литературный критик и историк русской эмигрантской литературы Г. Струве, «неуловимо окрашивавшее всю публицистику "Воли России" предпочтение советского эмигрантскому присуще было и литературно-критическим статьям Слонима»[3] [38, с. 59].

Исходя из общего анализа состояния литературы в России и эмиграции, Слоним формулирует далее в своей статье важное теоретическое положение относительно проблемы разделения и сохраняющегося единства между эмигрантской литературой и литературой в России: «...эмигрантская литература — это лишь ветвь на общем стволе, которая жива лишь постольку, поскольку жив ствол, который остался в России»[4] [33, с. 385]. Г. Струве, который считал, что эмигрантская литература имела гораздо большее значение для развития русской литературы, чем советская, использовал сходный образ в характеристике этого разделения русской литературы, но с противоположным смыслом: «...зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который — придет время — вольется в общее русло этой литературы. И воды этого отдельного,

3 Г. Струве также объяснял подобную оценку литературного процесса в России и эмиграции со стороны ряда критиков, к которым относился не только М. Слоним, но и М. Цетлин, М. Осоргин, Г. Адамович, тем, что они были поражены коротким, как он считал, периодом яркого взлета и недолговечного расцвета литературы в России по сравнению с казавшейся им безжизненной и сентиментально обращенной в прошлое литературой эмиграции [46, p. 390].

4 Вопрос о соотношении и взаимодействии двух различных ветвей русской литературы в рамках анализа общей эмигрантской дискуссии о путях развития русской литературы после революции рассматривается у Е.П. Челышева, который, используя образ Слонима, считает, что следует преодолевать имевшее в прошлом противопоставление двух ветвей русской литературы, чтобы определить, «как эти ветви сплетаются и развиваются, наполняясь соками одного и того же дерева» [15, с. 129].

текущего за рубежами России потока, пожалуй, больше будут содействовать обогащению этого общего русла, чем воды внутрироссийские»[5] [38, с. 22].

Сходного с подходом Слонима мнения о соотношении двух путей развития русской литературы придерживался М. Осоргин, считавший, что при всем «уважении к литературным именам эмиграции приходится признать, что за весь период беженства наши здешние писатели общего уровня русской литературы не повысили и новых, выше прежней ценности, вкладов в ее сокровищницу не сделали [28, с. 133–134].

В своей более поздней статье «Заметки об эмигрантской литературе», написанной в 1931 г. [34], Слоним развил и более подробно обосновал свою позицию относительно развития русской литературы в России и эмиграции. Прежде всего он попытался развенчать миф о величии и спасительном значении эмигрантской литературы для судьбы России, который, как он считал, был одним из главных мифов, созданных вообще в русской эмиграции. Его основой было иллюзорное представление о том, что только в эмиграции сохраняются те духовные ценности, которые предстоит впоследствии возвратить в Россию, чтобы возродить ее из того хаоса и запустения, в которые она была ввергнута советской властью. Эмигрантская литература представлялась в рамках этой мифологии символом верности лучшим национальным заветам. Если в эмиграции, как считали сторонники этих убеждений, были свобода и живое творчество, то в Советской России, наоборот, господствовали политическое принуждение и духовное рабство, сделавшие невозможным какое-либо творчество [34, с. 616]. Русский читатель за границей в своей массе, согласно Слониму, был убежден, что только в эмиграции существует настоящая литература, являющаяся наследницей великой русской литературы XIX в. В воображении этого читателя эми-

5 Е. Эткинд, рассматривавший два потока русской литературы в России и в эмиграции как проявления единого литературного процесса, ставил под сомнение данный тезис Струве о преобладающем значении русской литературы в эмиграции по сравнению с советской Россией, критически оценивая приводимое им неполное в «советской» части этого списка сравнение имен поэтов и прозаиков, которые эмигрировали из России, и тех, которые оставались в ней [16, с. 15–16]. А.И. Чагин, который придерживался позиции о единстве русской литературы в СССР и в эмиграции, при существенном различии происходивших в них литературных процессов, считал, в отличие от Струве, что речь здесь должна идти не о преобладающем каком-либо потоке, но «о двух рукавах одной реки, о двух процессах развития одной литературы, вырастающей из одних духовных, этических истоков, унаследовавшей одни художественные традиции» [13, с. 149].

грантская литература возносилась до самых грандиозных высот, пребывая на которых Бунин с Гиппиус защищали «божественные основы человеческого существования»[6] [34, с. 616].

Слоним считал, что эти иллюзии должны в скором времени развеяться, поскольку «наряду с мнимой, выдуманной эмигрантской литературой существует другая — подлинная, реальная» [34, с. 619]. Эта реальная литература, существование которой в этом виде Слоним вполне признавал, не только не выполняла какой-либо миссии, не спасала никакой русской культуры, но медленно и неизбежно умирала. Поэтому, если кто-то хотел всерьез относиться к русской литературе в эмиграции, ему следовало бы не провозглашать ее наследницей литературы XIX в. и говорить о предполагаемом величии ее миссии, но приложить усилия, чтобы попытаться спасти от гибели то, что в этой литературе было еще способно к дальнейшей жизни. В связи с этим необходимо указать на два несомненных факта, которые выделяет в данной статье Слоним, определявших отношения между русской литературой в эмиграции и в России. Прежде всего эмигрантская литература как физически, так и духовно была отделена от того процесса литературного развития, который, как бы к нему ни относиться, совершался в России. Затем, сама жизнь эмигрантского писателя протекала в условиях полной обособленности не только от быта, но от живой национальной языковой среды [34, с. 617].

Оба этих факта имели крайне серьезные последствия. Если в первые годы эмиграции живая непосредственная связь выехавших за границу литераторов с Россией сохранялась, то к 1924 г. она полностью прерывается, и эмигрантская литература перестает участвовать в каких-либо событиях литературной жизни, происходящих на Родине, и исключается из потока, «вносившего постоянные изменения в русскую художественную действительность» [34, с. 617–618]. Осознавая всю непоправимость создавшегося положения вещей, Слоним писал: «...мы оказались исключенными из бытия России, и в какой-то трагический момент прекратилось наше воздействие на жизнь родины и наше реальное соучастие в ней» [34, с. 618].

6 Как указывал в своей речи «Миссия русской эмиграции» И.А. Бунин, особое значение русских эмигрантов заключается в том, что они являют «грозный знак миру» и выступают «борцами за божественные основы человеческого существования», которые пошатнулись не только в России, но и во всем остальном мире [24, с. 5].

Безусловно, и в этом случае можно говорить о свободе творчества и уникальности гения, о том, что деятельность художника вовсе не определяется средой и обществом, что признавал Слоним, но литература всегда должна быть связана с читателем, и если произведения писателя не доходят и никак не воздействуют на него, то деятельность писателя становится бессмысленной.

Согласно подходу Слонима, литературное произведение только в силу обращенности к широкому читателю может входить как часть в то целое, которое, собственно, называется национальной литературой. Если эмигрантская литература представлена совокупностью разнородных произведений, которые остаются неизвестными широкому русскому читателю, то они и не могут быть включены в состав единого общенационального литературного процесса.

Подытоживая рассмотрение позиции Слонима, мы можем сказать, что литература, только раскрывая общую культуру народа, его всеобщее самосознание, может выражать его духовную жизнь. В этом отношении, только оказывая влияние на литературу в целом, отдельные произведения, независимо от своей художественной ценности, могли бы вызывать такие изменения, в силу которых литература бы развивалась и в ней бы возникали различные направления, являющиеся в то же время всеобщим выражением духовной жизни народа. Все это отсутствовало в эмигрантской литературе, поэтому высшая цель сохранения традиций и ценностей русского народа, провозглашаемая Гиппиус и Буниным, была в принципе недостижима в данном случае[7].

Сравнения эмигрантской литературы с русской литературой XIX в., часто производимые сторонниками ее особой миссии, также оказывались, как считал Слоним, совершенно несостоятельными. Пример Тургенева, который прожил значительную часть своей литературной жизни за границей, казалось бы, свидетельствует о том, что такая жизнь в принципе не препят-

7 Наиболее радикально эта позиция была представлена в статье Слонима «Литературный дневник: О литературной критике в эмиграции» 1928 г. В ней он утверждал, что «эмигрантской литературы как целого, живущего собственной жизнью, органически растущего и развивающегося, творящего свой стиль, создающего свои школы и направления, отличающегося формальным и идейным своеобразием, — такой литературы у нас нет. Хорошо это или дурно, но это неопровержимый факт, и, что бы ни говорили Кнуты, Париж остается не столицей, а уездом русской литературы» [35, с. 63–64].

ствует писательской деятельности, однако дело заключалось в том, что не только романы Тургенева были написаны на русском языке, но они распространялись и имели своего основного читателя именно в России, чего была полностью лишена эмигрантская литература в XX в. В еще большей мере это относилось к Достоевскому, который, находясь за границей, никоим образом не был оторван от Родины [34, с. 618–621].

В противоположность этому, эмигрантская литература XX в. была практически неизвестна в Советской России и никакого влияния на русское искусство и духовную жизнь народа не оказывала. Обратное влияние «советских» писателей на эмигрантскую литературу было также весьма ограниченным и распространялось, как правило, лишь на молодых литераторов. В то же время непосредственная физическая оторванность эмигрантских писателей от русской литературы не была бы настолько трагичной, если бы сохранялась бы какая-либо надежда на воссоединение с ней в обозримом будущем [34, с. 619]. Проблема, однако, как считал Слоним, заключалась в том, что «за тринадцать лет эмигрантского блуждания» так и не было создано «ни одного литературного направления, ни одной крупной художественной ценности», не было выдвинуто «ни одной живой идеи» [34, с. 619]. В этом отношении никакой работы на будущее русские литераторы в эмиграции не производили, и если бы им завтра суждено было вернуться на Родину, то оказалось бы, что они не совершили никаких открытий в области художественного творчества, а воздух свободы, которым они дышат за границей, не пошел им на пользу [34, с. 619].

Слоним, однако, вовсе не считал, хотя его взгляды нередко интерпретировались именно так, что эмигрантская литература в виде множества различных писателей и поэтов вообще не существует и в этом смысле невозможна в принципе; он придерживался мнения, что такое ее существование было проблематично и не приводило к возникновению целостной, выражающейся в развитии различных направлений традиции, в силу чего данная литература не развивалась, но умирала при разрыве связи с Россией, подобно тому, как засыхает ветвь на дереве, если ее надломить. Это мнение Слонима поддержал позже Ф. Степун, который считал, что, «как бы высоко ни оценивать отдельных представителей эмигрантской литературы с точки зрения того, что они делают, и, главным образом, того, что они сделали, нельзя, смотря на вещи открытыми глазами, все же не видеть главного: что

россыпь писателей не делает еще литературы, что литература жива только тем, где писатели не рассыпаны, а собраны: где они, как льдины в половодье, стукаясь друг о друга, громоздясь, обгоняя и мешая друг другу, струят свое вдохновение в широком русле национальной жизни»[8] [37, с. 279].

В отличие от многих эмигрантских критиков, советскую литературу в ее лучших проявлениях Степун считал явлением принципиально противоположным коммунистической идеологии, более того, подсознательно с этой идеологией борющимся. При этом так же, как и Слоним, Степун ожидал, что вслед за неслыханным поворотом в жизни страны «неизбежно должна появиться и новая плеяда русских писателей. Независимо от вопроса, какой величины и какой своеобразности окажутся ее представители, ясно уже и теперь, что она появится не в эмиграции, а в России, и выкристаллизуется из тех самых переживаний, которыми дышит советская литература, имеющая за собой, при всех отмеченных недостатках, не только достоинства своего бытия, но и целый ряд связанных с ним достоинств. Главное из них — ощущение веса эпохи [37, с. 280].

Возвращаясь к Слониму, следует сказать, что его подходу к сравнительной оценке литературы в России и эмиграции не противоречило то, что эмигрантская литература, прежде всего в виде писателей старшего поколения, несомненно, продолжала существовать, и в некотором смысле именно сохранение ими прежних традиций способствовало тому, что она не исчезла. Таким же образом, согласно Слониму, несмотря на то, что молодые литераторы в эмиграции не создали каких-либо значимых направлений и не внесли существенный вклад в развитие русской литературы, ими были написаны интересные и значимые произведения, которые, однако, были интересны скорее в контексте следования определенным традициям в западной литературе[9].

8 В своей поздней статье «Воля России» М. Слоним отмечал, что Степун выражал таким образом согласие с его подходом: «...я приходил к выводу, что в эмиграции есть писатели, но нет литературы. Между прочим с этой формулировкой впоследствии согласился Ф. Степун, написавший в “Современных записках” (книга 23), что “россыпь писателей еще не делает литературы. Плеядность — типичное явление художественного творчества — появится не в эмиграции, а в России”» [31, с. 298].

9 Воззрения Слонима часто пытались опровергать простой ссылкой на то, что как раз тогда, когда он провозглашал конец эмигрантской литературы, она успешно развивалась, были написаны многочисленные произведения и сформировались определенные направления или течения ее представлявшие. В частности, такого мнения придерживался Струве [38,

При этом, согласно главному положению Слонима, которым он обосновывал неизбежную гибель русской литературы в эмиграции, она умирала не просто потому, что она была эмигрантская, т. е. оторванная от Родины и лишенная почвы и всякой связи со своим народом, но прежде всего потому, что она не выработала никаких оригинальных идей и не проложила новых путей в искусстве. Анализируя теоретическую концепцию Слонима, мы можем прийти к выводу о том, что литература вообще и русская в частности — это наиболее национальное и почвенное из всех видов искусств именно потому, что она связана с национальным языком, тогда как другие искусства, изобразительные или музыкальные, не ограничены подобными средствами выражения. Таким образом, формулируя общую позицию критика, мы можем сказать, что стихия языка в случае литературы не только связана с жизнью народа, но является прямым и непосредственным выражением этой духовной жизни во всей полноте, а потому развитие литературы, полностью оторванной от этой жизни, оказывается невозможным [34, с. 619–620]. В силу того, что эмигрантская литература в целом утратила какое-либо единство с народом, литературная деятельность любого писателя в статусе русского писателя становилась почти невозможной [34, с. 621]. Казалось бы, какая-то часть писателей жила как раз памятью или воспоминаниями о «подлинной» России и сохраняла таким образом свою связь с ней, однако никакие воспоминания или даже память не могли послужить основанием для изображения того реального содержания жизни, к которому обращается литература.

К литературе воспоминаний Слоним относит почти всех представителей старшего поколения: И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, А.И. Куприна, И.С. Шмелева, Е.Н. Чирикова, произведения которых тематически и формально непосредственно были связаны с прошлым [34, с. 621–622][10], а так-

с. 146], а среди современных исследователей О.А. Коростелев [4, с. 23–24]. К этому мнению присоединяется также и исследователь творчества Слонима О. Малевич, который замечает, что «Слоним, разумеется, оказался плохим пророком, провозгласив на рубеже 1920–30-х годов ее конец. Ведь как раз на 1925–1938 годы приходится расцвет зарубежной русской литературы, прежде всего прозы (достаточно назвать “Жизнь Арсеньева” И. Бунина и романы В. Сирина-Набокова)» [7, с. 85]. В действительности то, что публиковалось достаточно большое количество значимых произведений, вовсе не означало, что русская литература как целое существует в эмиграции, с чем были согласны, как мы показываем в данной статье, не только Слоним и Степун, но и, например, Ходасевич.

10 Об этой тенденции прямо пишет Б. Зайцев: «Конечно, очень сильна оказалась — особенно у старших — струя воспоминательная. Не то, чтобы все прошлое было прекрасно, но над ним веет забвением, услаждающим и украшающим. Что было и что ушло становится для

же тех молодых литераторов, которые, попытавшись следовать этой традиции, не создали практически ничего значимого.

Так же, как и Слоним, на опасность чрезмерного увлечения воспоминаниями о России для молодой эмигрантской литературы, которые связывают «вечность всякого явления с его постоянно отмирающей формой», указывал Ф. Степун, считавший, что увлечение подобными воспоминаниями ведет как раз к утрате вечной памяти о России[11] [36, с. 12–28]. Казалось бы, трагическая ситуация, в которой оказались эмигранты, могла бы по осмыслении послужить основной темой эмигрантской литературы, но даже самые талантливые авторы, как считал Слоним, не обратились к изображению этой трагедии эмиграции, так как скрывали ее от себя и не хотели сознавать всю непоправимость своего положения [34, с. 623].

При этом главный вопрос, который возникал относительно перспектив развития русской литературы в эмиграции, сводился, в понимании Слонима, к тому, возможно ли было в ней рождение нового слова, нового этапа в ее развитии [34, с. 624–625]. Казалось бы, этого можно было ожидать от молодых литераторов, так как писатели старшего поколения показали, несмотря на весь свой талант, что ни к каким переменам они не стремятся и в принципе к ним не способны. Однако надежды, которые возлагались на молодых литераторов, также оказались тщетными.

Связано это было с тем, что молодые литераторы никогда «не знали нормального существования». Их юность прошла в условиях крушения старого миропорядка, связанного с революционными потрясениями, а молодость была растрачена в сражениях Гражданской войны. Дальнейшая их жизнь и творческое формирование проходили в тяжелых условиях изгнания и жизни в эмиграции, при этом старой России они уже не знали,

пишущего (да и читающего) трогательным особенно. (Тем более, что у многих это связывалось с молодостью, вступлением в жизнь, которая оказалась совсем не такой, как предполагали)» [27, с. 4].

11 Согласно Степуну, порабощение «узким кругом своих личных воспоминаний о своем угле своей России должно потому всякого молодого писателя неизбежно вести вспять: к замедлению духовного роста и снижению художественного творчества». С художественной стороны эмигрантскую «литературу воспоминаний подстерегает к тому же смертная опасность эстетического эпигонства, слабого подражания видным писателям прошлой эпохи, но без их чутья к своезаконию и беззаконию русского языка, без их органической связи с бытовою толщею России, без их чувственного ощущения ее запахов, красок, воздухов, влажностей, всей ее биологической, плотиной единственности» [36, с. 17–18].

а новой узнать не успели. Часть подающих надежды молодых эмигрантских литераторов не выдержала этих испытаний: их творчество угасло, а жизнь была загублена [34, с. 625].

Тем не менее, согласно Слониму, были и те молодые авторы, которые выдержали эти испытания. Оказавшись под воздействием и всесторонним влиянием западного искусства, они смогли обрести свой путь в литературе. Эти молодые авторы не обращались к разного рода воспоминаниям и не разделяли распространенные в эмигрантской среде иллюзии о возрождении старой России, как старые литераторы. Предметом их произведений стали сюжеты из той реальной европейской жизни в эмиграции, с которой они были связаны. Опираясь в определенном смысле на русскую литературную традицию, они тем не менее, в гораздо большей мере, как считал Слоним, были обязаны традициям французской, немецкой и английской литературы. Речь конкретно шла о В. Набокове (Сирине), Г. Газданове, Ю. Фельзене и С. Шаршуне[12] [34, с. 626].

Слоним считал, что именно творчество этих молодых литераторов, одинаково чуждых и классической традиции старых литераторов, и советской литературе, новизна их стиля, оригинальное освоение и развитие высших достижений западного искусства, — это то единственно ценное, что русская эмиграция могла бы дать русской литературе в целом [34, с. 626]. Надо сказать, что будущее показало, что Слоним оказался во многом прав в этом мнении. Откликаясь на эту дискуссию о путях развития русской литературы, которая с новой силой разгорелась в эмигрантской среде по-

12 Неожиданным образом Слонима поддержал в его критическом отношении к русской литературе в эмиграции как раз один из представителей этой «молодой» эмигрантской литературы Г. Газданов, который в своей статье «О молодой эмигрантской литературе», опубликованной в 1936 г., утверждал, что эта литература не только не развивается или приближается к гибели, но, что ее вообще как таковой не существует. Согласно Газданову, «если считаться только с фактически существующим материалом», отказавшись от необоснованных суждений о высокой «миссии эмигрантской литературы», — то придется констатировать, что в эмиграции за предшествующее время не только не появилось никакого литературного направления, но и каких-либо крупных молодых писателей [25, с. 746]. Одно-единственное исключение представлял собой, с точки зрения Газданова, только В. Набоков (Сирин). Вся остальная «продукция» молодых эмигрантских литераторов, которая свидетельствовала, с точки зрения многих современных исследователей, о «расцвете» русской эмигрантской литературы, может быть названа литературой, как считал Газданов, «только в том условном смысле, в каком говорят о “литературе по вопросу о свекле” или “литературе по вопросу о двигателях внутреннего сгорания”, — т. е. о совокупности выпущенных книг, в данном случае имеющих некоторый, их объединяющий, беллетристический признак» [25, с. 746].

сле публикации статьи Слонима, в ней приняли участие Г.В. Адамович и В.Ф. Ходасевич. В.Ф. Ходасевич считал, что русская литература была разделена после революции надвое и «обе ее половины еще живут, подвергаясь мучительствам, разнородным по форме и по причинам, но одинаковым по последствиям» [41, с. 257].

Выступая против подхода М. Слонима, провозгласившего конец эмигрантской литературы, он утверждал, что национальное содержание литературы создается ее языком и духом, а вовсе не территорией, на которой протекает ее жизнь, а также вовсе не бытом, в ней отображенным [41, с. 257]. При этом Ходасевич не принимал во внимание то, что согласно главному тезису Слонима национальное содержание литературных произведений связано не просто с территорией и бытом, а зависит именно от языка и духа, который в нем выражается. Именно потому, что язык как живое и полновесное выражение национального духа не может существовать в условиях полного отрыва от действительной жизни народа, существование эмигрантского писателя остается оторвано от живой языковой национальной среды.

Не соглашаясь с этим подходом, Ходасевич считал, что «можно быть глубоко национальным писателем, оперируя с сюжетами, взятыми из любого быта, из любой среды, протекающими среди любой природы. Это подтверждается всей историей романтизма» [41, с. 257]. В частности, Ходасевич приводит в пример маленькие трагедии Пушкина, которые были величайшим воплощением русского гения. Можно также утверждать, что в эмиграции вообще не только создавались выдающиеся произведения искусства, но эти произведения легли в основу многих национальных литературных традиций [41, с. 257]. Таковой, например, является «Божественная комедия» Данте, это же значение Ходасевич приписывает эмигрантской французской литературе, возникшей после Великой французской революции, которая предопределила во многом развитие всей последующей литературы во Франции [41, с. 257].

В противоположность этим воззрениям следует сказать, что в одних случаях, которые приводит Ходасевич, не происходило никакого отделения от живой языковой среды и от национального литературного процесса (Пушкин, Тургенев и т. д.), в других, как это обстояло в отношении французской эмиграции, подобное отделение было достаточно недолгим.

Но даже в последнем случае, вопреки позиции Ходасевича, мы не можем говорить о возникновении какой-то особой национальной литературной традиции, отличной от той, которая складывалась в метрополии. Как показывает Е. Эткинд, данный пример с французской эмигрантской литературой эпохи революции не только не обосновывает возможности существования русской литературы в аналогичных, казалось бы, условиях, но и несостоятелен сам по себе. Французская эмигрантская литература «свидетельствует о том, что в эмиграции могут быть большие писатели, могут возникать яркие произведения, но не может быть отдельной литературы. Литература — не просто сумма людей, сочиняющих стихи и прозу, не механическая совокупность книг разных жанров, а сложная социально-культурная система, объединенная и порождающей ее нацией, и воспринимающими ее читателями[13] [16, с. 12].

Ходасевич же, руководствуясь приведенными выше сравнениями, делает вывод о том, что теоретическое доказательство невозможности существования русской литературы в эмиграции не может быть в принципе произведено [41, с. 258]. Само существование русской эмигрантской литературы оказывается в этом смысле не только возможным, но и вся совокупность издаваемых книг и произведений эмигрантских писателей опять-таки должна подтверждать ее несомненное существование в действительности [41, с. 258]. Проблема, однако, заключается в том, что несмотря на то, что журналы и книги продолжали издаваться, их становилось все меньше, равно как и падало общее качество издаваемых произведений. В этом смысле русская зарубежная литература постепенно, но неуклонно, по мысли Ходасевича, приближалась к своему мучительному концу [41, с. 259].

Но если Слониму этот конец казался неизбежным следствием того обстоятельства, что эмигрантская литература не может существовать вообще, как считал Ходасевич, то он сам выдвинул иное объяснение этого возможного конца: русской эмигрантской литературе грозит конец «не потому, что она эмигрантская, то есть фактически осуществляется писателями-

13 Этот вывод подтверждается также, согласно Эткинду, одним из самых удивительных эпизодов истории эмигрантской литературы, связанным с немецкой эмиграцией нацистского периода. «Можно с уверенностью сказать, что после 1933 года в германской метрополии писателей не осталось» [16, с. 13]. Тем не менее «при всей их тяге к германскому культурному единству они так никогда и не сумели сплотиться и за 12 лет эмиграции не создали “немецкой литературы за рубежом”» [16, с. 13].

эмигрантами а потому, что в своей глубокой внутренней сущности она оказалась *недостаточно* эмигрантской» или даже «вообще *не* эмигрантской» [41, с. 259]. Русская литература в эмиграции не сумела пережить и выразить собственную трагедию и искала возможности простого продолжения своего существования в новых условиях, за что и поплатилась, ибо в ней воцарился дух самодовольства и мещанства. Видя основной задачей русской литературы в эмиграции сохранение основных культурных ценностей и традиций, которые попираются в Советской России, эмигрантские литераторы, как считал Ходасевич, вкладывали в нее совершенно неверный смысл [41, с. 259–260].

Анализируя выдвигаемую Ходасевичем концепцию развития русской литературы в эмиграции, мы можем прийти к выводу о том, что сохранение национальных традиций и самого бытия литературы, выражающей сущность русского духа в отрыве от Родины, было возможно только через постоянное движение вперед, обусловленное открытием новых форм и идей, тогда как русские литераторы, не стремясь к новизне и опасаясь теоретического труда, направленного на осмысление жизни в эмиграции, использовали уже давно выработанные приемы, связанные с готовыми образами и идеями [41, с. 260].

Такого рода вывод согласуется с положениями Слонима, согласно которым главное, к чему должны были стремиться русские литераторы в эмиграции и что у них почти не получалось, — это осмысление своего трагического положения в новых литературных формах, опирающихся на национальную литературную традицию. Как считал Ходасевич, это относилось прежде всего к старым литераторам, которые продолжили писать свои произведения в эмиграции, как будто они были написаны в России. Они не только не создали какой-либо новой школы или направления, но и, проявляя полное безразличие к теоретическим вопросам литературы, сохранили весь прежний комплекс идей и представлений. Однако подобное отношение к литературе было характерно и для молодых авторов. Казалось бы, объединенные общностью духовной ситуации в тяжелых условиях изгнания, они должны были открыть для себя такие чувства и идеи, которые привели бы их к созданию новых литературных форм, однако этого не произошло [41, с. 261–263].

Основная задача по сохранению национальных традиций вовсе не должна заключаться в непосредственном продолжении и воспроизводстве

ее классических образцов, каковые идеи обычно приписывались Ходасевичу, напротив, — это сохранение было невозможно без создания новых литературных форм и направлений, в которых бы воплощалось выработанное в трагических условиях изгнания самосознание русского духа. В этом отношении какая-либо литературная традиция, согласно Ходасевичу, представлявшая русскую литературу, так и не сложилась, а гора книг, написанных за границей, не образовала эмигрантской литературы как таковой[14].

Эмигрантский литературный процесс, как считал Ходасевич, не смог оформиться в виде «того единства, которое можно было бы назвать эмигрантской литературой», и «в этом смысле эмигрантская литература не существует вовсе» [41 с. 262]. Этот вывод Ходасевича, как это ни парадоксально, в целом совпадал, при всем различии в подходах к пониманию литературного процесса в эмиграции, с выводами Слонима о том, что русская эмигрантская литература как целостная органически развивающаяся и образующая особые отличающегося идейным своеобразием направления, так и не сложилась. При этом Ходасевич, однако, в отличие от Слонима, вовсе не считал, что русская литература развивается и вообще каким-то образом существует в Советском Союзе.

Так же, как и З. Гиппиус, руководствуясь идеологическим подходом и своими политическими воззрениями, он утверждал, что «истинной жизни в советской литературе нет, по-настоящему и всерьез наблюдать в ней нечего, следить не за чем. И это не потому (или не только потому), что не появляются в Советском Союзе ценные, значительные книги, а потому, что дошло уже до таких условий, при которых они там появиться не могут [43, с. 419].

Тем не менее, в отличие от эмигрантской литературы, целостный анализ русской литературы в Советской России у Ходасевича в обзорных статьях был представлен далеко не лучшим образом. Имена А. Блока,

14 Г. Струве, полагавший, в отличие от Ходасевича, что в 1920–1930-е гг. русская литература в эмиграции переживала настоящий расцвет, считал взгляды Ходасевича относительно ее несостоятельности неверными именно потому, что в эмиграции выпускалось большое количество книг и молодым авторам предоставлялись широкие возможности для их творческой самореализации. Согласно Г. Струве, Ходасевич в своем пессимизме по отношению к эмигрантской литературе «шел гораздо дальше Адамовича. Но если его пессимистические прогнозы имели под собой основание, то нарисованная им столь черными красками картина зарубежной литературы едва ли соответствовала действительности и в смысле общей “продукции” <...> и в отношении положения младшего литературного поколения» [38, с. 146].

А. Белого, В. Брюсова, творчество которых он хорошо знал и рассматривал в отдельных статьях, вообще не упоминались в таких статьях о советской литературе, произведения М. Цветаевой, А. Ахматовой, М. Булгакова, Б. Пастернака, Л. Леонова также не рассматривались в контексте анализа литературного процесса, развивавшегося в СССР. Когда Ходасевич пишет о советской литературе, он критически рассматривает лишь тот ее идеологический проект, который осуществлялся коммунистической партией, не анализируя при этом общее состояние русской литературы в советском государстве через обращение к творчеству ее лучших представителей, которые остались в России.

Когда же это происходило, как в случае анализа творчества В. Маяковского, то, в отличие от позиции М. Слонима, А. Бема и в какой-то мере Г. Адамовича, Ходасевич отрицал какое бы то ни было новаторство и серьезное значение его поэзии в русской литературе. В этом отношении осмысление той литературной полемики, которая развернулась в эмигрантской критике вокруг советской литературы в целом и творчества Маяковского в частности, остается предметом особого исследования. Возвращаясь к воззрениям Ходасевича на эмигрантскую литературу, нужно сказать, что молодые писатели за рубежом, как он считал, не находили, как правило, учителей среди писателей старшего поколения и ориентировались либо на образцы прошлого, либо на иностранную литературную традицию, причем последняя ориентация постоянно вменялась в вину молодой эмигрантской литературе. Главным в произведениях молодой русской литературы был, по мысли Ходасевича, определяющий для нее мотив одиночества и заброшенности, который объяснялся полным отрывом от Родины и трагической неустроенностью жизни в эмиграции [41, с. 264].

Проблема, однако, была не просто в том, что в этих произведениях господствовали мотивы одиночества и заброшенности, вполне традиционные для европейской литературы; дело было в том, что эти мотивы были восприняты значительной частью эмигрантской литературы как общее выражение кризиса искусства и переживались эмигрантскими литераторами в виде состояния духовного распада и разложения. Задачей молодой литературы становится в этом отношении не поиск новых поэтических форм, с помощью которых создается произведение искусства, в чем видел суть искусства Ходасевич, но непосредственное выражение художником себя

и мира посредством простых языковых форм, в результате чего литературное произведение становится конкретным «человеческим документом». Такой подход отстаивался прежде всего представителями «парижской ноты» — одного из главных направлений в русской эмигрантской литературе, идейным вдохновителем и неформальным главой которого был Г.В. Адамович. Полемика о путях развития молодой русской литературы между Г.В. Адамовичем и В.Ф. Ходасевичем стала одним из важных событий в литературной жизни русской эмиграции[15].

Г.В. Адамович, вступая в большую дискуссию о судьбах русской литературы, отмечал в статье 1932 г. «Мысли и сомнения. О литературе в эмиграции», что, согласно Слониму, в эмиграции не только нет никакой настоящей литературы, но ее и не может быть, в то время как она существует и развивается в Советской России [17, с. 8]. Противоположное воззрение, которого придерживались, кроме З.Н. Гиппиус, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, И.С. Шмелев, а также выступивший против статьи Слонима Б.Г. Зайцев, описывалось Адамовичем следующим образом: «литературы в России не существует: русская литература сейчас вся за рубежом» [17, с. 8]. Адамович, пытаясь занять позицию над этим спором, отмечал, что решить, кто из спорящих прав, довольно трудно и следует скорее сказать, что неправы оба [17, с. 8].

При этом «преимущество мысли», согласно Адамовичу, все-таки оставалось «на стороне Слонима». Однако же при этом за Зайцевым признавалось «преимущество чувства, очень достойного, сдержанно-мужественного» [17, с. 8–9]. Адамович считал, что Слоним утверждает в большинстве случаев верные вещи, однако высказывает он их совершенно неправильным, торжествующим тоном. Отмечая, что Слоним не уделяет достаточного внимания тому, что эмиграция вообще есть «ужасное несчастье» и что даже если никакой особой «миссии» у русской литературы в эмиграции нет, «то все-таки вбивать ей “осиновый кол” в ее воображаемую могилу нельзя», так как это не может быть оправдано ни историей, ни подлинным положением дела [17, с. 9].

Характеризуя данные замечания Адамовича по поводу Слонима, необходимо сказать, что независимо от того, были ли высказаны его воз-

15 Подробнее об этой полемике см. в статьях О.А. Коростелева [4; 5], М.О. Цетлина [44], А.И. Чагина [14], С.Р. Федякина [10], А.Л. Бема [23], Г.П. Струве [38].

зрения «торжествующим» или каким-либо «приподнятым» тоном, от этого они сами по себе не становятся «неправильными». Затем, никакого собственно «торжествующего» тона и радости по поводу неудовлетворительного положения русской литературы в эмиграции Слоним, как мы могли видеть из рассмотрения его статьи, вовсе не высказывает, вопреки мнению Адамовича. В итоге же содержательного анализа развития русской литературы в эмиграции Адамович, соглашаясь с подходом Слонима, признает, что русская литература в эмиграции оказалась «не на высоте эпохи» и упреки, которые ей предъявляются, она «вполне заслужила» [17, с. 9].

> Основными своими мотивами она никак не обращена к тому, что сейчас происходит в мире. В этом отношении кое-что из написанного за последние годы в Советской России, несомненно, значительнее и, при всей своей сыроватости, все же отмечено острым зрением, чутким слухом к времени[16] [17, с. 9].

Европейская литература также оказывалась гораздо более интересной и зрелой, чем русская эмигрантская, которая должна была бы стоять на страже сохранения ценностей и традиций великой русской литературы недавнего времени. Удивляет Адамовича прежде всего то, что в условиях полной свободы, которая отсутствовала в Советской России, эмигрантская литература ничего не могла противопоставить советской литературе. Она

16 Отношение Адамовича к советской литературе менялось со временем, и в некоторых более поздних статьях он стал даже говорить о ее возможном конце. Так, в статье с ироническим названием «Памяти советской литературы» Адамович, осмысливая распространенное в эмиграции мнение о том, что советская литература закончилась, пишет: «...это была плохая литература, — сырая, торопливая, грубоватая», само «понятие творческой личности было в ней унижено и придавлено» [20, с. 208]. Однако «вопросы ее были глубоки и внутренне-правдивы — как глубок и внутренне-правдив вопрос, заключенный в самой революции» [20, с. 208]. Как замечает О.А. Коростелев, «советской литературой, советской по духу, Адамович считал только литературу революционного периода, когда энтузиазм был искренним и литераторы впрямь были охвачены порывом творить новое искусство, а сверху эти порывы по-своему даже поощрялись, во всяком случае, не запрещались строго-настрого и не регламентировались с такой тщательностью, как впоследствии. Против этого советского духа, против самих оснований, на которых строилась новая литература, Адамович серьезных аргументов не находил» [2, с. 18–19]. Гораздо меньше устраивали Адамовича результаты этой литературы и еще меньше то, что этот советский дух быстро выветривался, заменяясь другим, куда более неприглядным. По его собственному выражению, советская литература слишком быстро начала изменять себе самой, своим основаниям» [2, с. 19].

даже не могла сравниться с советскими писателями в плане защиты убеждений и ценностей, связанных с идеей личности, которые, например, отстаиваются в творчестве таких советских писателей, как Юрий Олеша[17] [17, с. 10].

Но если в советских условиях такая «миссия» неизбежно отмечена уловками, разного рода недоговоренностями, связанными с подавлением свободы со стороны советских властей, которые делали ее трудноосуществимой, то в условиях эмиграции, где, казалось бы, отсутствовали какие бы то ни было политические ограничения, для осуществления такой миссии не было никаких препятствий. Это означало, согласно Адамовичу, что о личности, ее трагической свободе эмигрантской литературе в принципе нечего было сказать. При том, что описанию внутренней жизни и психологических состояний в молодой эмигрантской литературе уделялось большое внимание, она не знала, что делать с этим материалом, и осмысливала его так же мало, как если бы речь шла об описаниях явлений внешней природы или быта, перенесенных извне вовнутрь, ничего не меняя по сути в их понимании и не ставя вопросы о смысле и сути происходящего внутри человека [17, с. 7–11].

Тем не менее, Адамович, противопоставляя свои воззрения позиции Слонима, считал, что хоронить эмигрантскую литературу было рано. Несмотря на то что она не имела никакого отношения к действительной жизни России, а также в ней не было ни обновления, ни движения, ни свободы мысли, эта литература должна была жить хотя бы лишь «как тень от той советской, как недоумение, обращенное к ее непонятной, если только не притворной, уверенности, как вопрос, как отказ от огрубения, хотя бы даже и общественно-спасительного» [17, с. 11].

Смысл такого существования Адамович видел в том, чтобы спасать свободу и индивидуальность человека от впадения в то обобществление и обезличивание, которое подразумевалось в коммунизме или фашизме, равно как и в других родственных этим идейных течениях [17, с. 11]. Адамо-

17 Как считал Г. Струве, Адамович в целом скептически смотрел на будущее русской эмигрантской литературы, считая, что литература «не может питаться ни только воспоминаниями, ни только воображением, “ей нужна помощь жизни”. Внешне жизнь не дает помощи молодым зарубежным писателям, а потому они ищут и находят выход в крайнем увлечении “психологизмом”, в уходе в самих себя <...> а Адамович вместе с тем утверждал уже более решительно, что эмигрантская литература в целом “обречена”» [38, с. 142].

вич констатирует, что русская литература могла бы очень много что сказать в эмиграции в ответ на то, что сказано в России, если бы только она нашла в себе силы говорить.

В этом отношении он приходит к общему выводу, что «грустнее нынешнего положения эмигрантской литературы нельзя ничего себе и представить», и даже от былой ее гордыни ничего не осталось, потеряно какое-либо влияние, рассеяны все иллюзии, своей праздностью она вызывает только разочарование [17, с. 12]. В более ранней статье 1931 г. «О литературе в эмиграции» Адамович подробнее исследовал причины такого общего неблагополучия русской литературы в эмиграции. Рассматривая противоположные варианты ответов на вопрос о том, существует ли вообще в эмиграции какая-либо литература, кроме старой и именитой, и может ли она в принципе возникнуть здесь, он иронически описывает позицию тех, кто считает, что только в эмиграции русская литература, собственно, сейчас и существует. С точки зрения сторонников этой позиции, если кто-то не совсем твердо убежден в том, что В. Сирин станет новым Львом Толстым, а Г. Газданов — новым Достоевским, тот — пораженец [18, с. 510–511].

Казалось бы, потеря земли и быта мало что означает для литературы, поскольку известно, что в прежние времена лучшие писатели России, например Гоголь и Тургенев, писали свои произведения за границей, а французская литература, о чем говорил Ходасевич, создала свои литературные шедевры в эмиграции. Адамович тем не менее так же, как и Слоним, справедливо находит эти умозаключения сомнительными и считает, что пример французской литературе к данной ситуации совершенно неприменим [18, с. 511]. В данном случае Адамович совершенно не соглашается с подходом Ходасевича, считавшего этот пример имеющим какое-либо значение для судеб русской эмигрантской литературы. В свое время рассуждения о французской эмигрантской литературе пришлись по душе И.А. Бунину, который, применяя их к России, задавался вопросом о том, что если уж писатель уехал из Белевского уезда за границу, то разве он перестает быть писателем? Адамович отмечал, что Бунин, конечно же, не может быть неправ относительно себя, поскольку, уехав из России и став эмигрантом, он вовсе не перестал быть выдающимся писателем.

Проблема заключалась в том, что Бунин полностью сформировался как писатель еще в России и покинул ее зрелым человеком, получившим

в ней свой основной жизненный опыт, что было совершенно невозможно относительно молодых авторов, которые начинали свой литературный путь в эмиграции[18]. Таким же образом революционные потрясения, пережитые французскими эмигрантами, нельзя было сравнивать с той катастрофой, которая, как считал Адамович, разразилась в стране с приходом к власти большевиков. В отличие от наших, французские эмигранты, несмотря на все ужасы революции, на самом деле в итоге мало что потеряли. Они вернулись во Францию «в свои Белевские уезды, нашли перемены, — но жизнь в основе своей была та же»[19] [18, с. 512].

Положение русских людей и русской литературы в эмиграции было трагично, каковой вывод мы можем сделать из размышлений Адамовича, которые пересекаются с размышлениями Слонима, именно потому, что сама Россия коренным образом в своей основе изменилась, и то, какой она была, она уже не могла быть. В России возник новый мир, от которого надо было либо отказываться, сознательно избирая путь одиночества и оторванности от Родины, либо перестраиваться и принимать его независимо от политических убеждений. Но для большей части писателей такого рода принятие таких изменений, произошедших в общественной и частной жизни, в сфере религии, искусства, оказалось совершенно невозможно, в силу чего для них Россия, которую они признавали настоящей, исчезла и перестала существовать [18, с. 512–513].

В итоге Адамович приходит к таким же выводам в этой статье, что и Слоним: литература не может жить только воспоминаниями, которых в случае молодых писателей практически нет, или воображением, которое

18 М.О. Цетлин, скептически относившийся к возможности развития русской литературы в эмиграции, замечал по поводу этой фразы Бунина, что в «шутке этой есть правда, и, разумеется, писатели старшего поколения не зачахли, выехав за границу. Но они принесли на подошвах комочек земли из своих уездов, унесли с собою родину» [45, с. 210]. Проблема заключалась в тех молодых писателях, «которые никогда ни в каком Белевском уезде не были, — заменят ли им Париж и Алжир, Китай и Константинополь бесценные, художественно пережитые, живущие в душе, в художественной памяти родные Белевские уезды? Думается, что никакие панорамы всего мира писателю его (для каждого своего) Белевского уезда не заменят» [45, с. 210].

19 Согласно А.И. Чагину, такие авторы, как М. Цетлин и Г. Адамович, «оспаривая мнения старших мастеров, предрекали обреченность эмигрантской литературы, увидев ее в том, что у следующих поколений писателей зарубежья нет своего “Белевского уезда”, нет (или почти нет) поисков новой, своей, эмигрантской темы, нет того “пафоса общности”, который был очевиден в советской литературе (такую позицию занимал тогда Г. Адамович)» [13, с. 138].

не имеет никакого отношения к реальной жизни страны[20]. Таким же образом, отвечая на тезис о том, что быт и среда, описываемые писателем, не имеют никакого значения (чего придерживался Ходасевич), Адамович замечает, что прежде всего имеет значение язык, который используется писателем. Проблема, однако, состоит в том, что по-русски можно писать только о русских, отображая те реальные обстоятельства, которые с ними связаны. Национальный язык, как считал Адамович, в своем историческом развитии отражает сложную структуру и определенные связанные друг с другом формы бытия народа, который и создал этот язык, выражая в нем все особенности своего существования. Можно писать по-русски о французах, но это будет лишь приблизительное, далекое от истинной литературы писательство, все сокровища русского языка окажутся ненужными, если сознание писателя обращено к тому реальному бытию, которое наиболее адекватно выражается в другом, французском языке [18, с. 513–514].

В этом случае художественное произведение становится похожим на перевод или исторический роман. Сталкиваясь с подобными трудностями, молодые литераторы, согласно Адамовичу, часто не только отказывались от принципов «наивного реализма», но и вообще отказывались от описания внешнего реального мира, погружаясь в свой собственный внутренний мир и делая предметом художественного изображения свои психологические переживания. Казалось бы, ничего плохого в этом не было, напротив, в этом проявлялось не только обращение к внутреннему миру отдельного человека, но и освоение великих достижений западной литературы, без которого развитие русской литературы было немыслимым [18, с. 515–516].

Тем не менее главная опасность состояла в том, что литераторы, придерживавшиеся данного психологического направления, были полностью поглощены собой, своим придуманным миром и неспособны к осмыслению жизни в целом. Один из молодых авторов признавался Адамовичу в том, что если он будет писать о внешнем, то в этом внешнем он растворится, перестанет существовать. В ответ на это Адамович замечал, что в самой человеческой личности может быть ценным и обладающим каким-либо значением только то, что выдерживает испытание жизнью, а не разрушается и перестает существовать от соприкосновения с ней [18, с. 516].

20 Как отмечает А.И. Чагин, позиции Г. Адамовича и М. Слонима в оценке перспектив развития литературы в России и в эмиграции в 1920-е гг. во многом совпадали [13, с. 138].

Формулируя общую позицию Адамовича в отношении главных причин неблагополучия эмигрантской литературы, нужно сказать, что в эмиграции у русского человека не было национального общественного бытия, он создавал для себя его видимость, мираж, в этом отношении за всеми рассуждениями о великой исторической миссии эмиграции по сохранению ценностей и традиций подлинной России ничего не скрывалось [18, с. 517]. Говоря о появлении новых писателей или возможности расцвета эмигрантской литературы в целом, Адамович замечает, что при нынешних тенденциях в ее развитии — это было бы худшим сценарием! Этот художественный расцвет означал бы такую индивидуальную оторванность от жизни, такую ограниченность и замкнутость в себе, радоваться которым можно было бы, лишь потеряв разум. Несмотря на то что каждый писатель должен считаться только с собой и ему не нужно подлаживаться под кого-либо, он так или иначе выражает в своем творчестве мысли и чувства тысяч людей, которые плохо осознаются ими самими. Если же этого не происходит, тогда книга, какой бы искусной она ни была, никакого серьезного литературного значения иметь не будет [18, с. 518–519].

Эмигрантская литература могла продолжать существовать лишь постольку, поскольку она оставалась связана с Россией. Как только эта связь разорвалась и литература стала опираться лишь на одни воспоминания о ней, она начала исчерпывать свой предмет и основную тему. Ни о каком возможном расцвете русской литературы в эмиграции в этой ситуации не могло идти и речи, ее задача, как ее представлял тогда Адамович, состояла лишь в том, чтобы, расставшись с иллюзиями, дотянуть до лучших дней, не превращаясь в плохую копию какой-либо иностранной литературы, как ее изначально тенденциозно характеризовал М. Горький [18, с. 519–520]. Адамович был уверен, что предназначение эмигрантской литературы в этом смысле состояло в том, чтобы установить связь с Россией через тот социальный заказ, который она «безмолвно» посылает [18, с. 521].

Этот социальный заказ был связан с обращением к темам свободы личности, любви и смерти, Бога и вечности, раскрытие которых всегда оставалось высшими целями русской литературы вообще, но от изображения которых отказалась советская литература [18, с. 522]. Однако, обращаясь к этим темам, эмигрантские литераторы не ощущали никакой связи с Родиной и впадали в такое безнадежное состояние кризиса и духовного

распада, из которых не было никакого выхода [18, с. 522–523]. Одно из главных достоинств советской литературы заключалось, согласно Адамовичу, в том, что она основывалась на принципе общности, когда совместное творчество связывало всех в одном деле и приводило к возвышению над индивидуализмом. Без этого сознания общности эмигрантская литература была обречена, и главная ее миссия, которая состояла в сохранении ценностей, связанных с достоинством личности, оставалась невыполнимой [18, с. 523].

Отвергаемые в данной статье состояние духовного кризиса, полная оторванность от жизни, ограниченность и замкнутость в себе, тем не менее, стали общими принципами молодой литературы, объединившейся в направлении «парижская нота», идейным вдохновителем которой стал именно Адамович[21]. Как считал А.Л. Бем, основным мироощущением «парижской ноты» были «душевное разложение, упадочничество», а также «ощущение умирания, тленности»[22] [23, с. 6]. В связи с этим он считал, что основная проблема молодой эмигрантской литературы заключалась в том, что лучшие ее представители пытались следовать этому настроению гибели и разложения, не будучи в силах отыскать художественную форму для него[23] [23, с. 6]. Подобное пагубное для русской литературы направление поддерживал, согласно Ходасевичу, Адамович, считавший, что даже если из молодой русской литературы ничего не получится, художественное выражение переживаний душевного упадка, испытываемого автора-

21 Общие характеристики «мироощущения» «парижской ноты» можно найти в произведениях Ю. Терапиано [39, с. 56–57], Б. Поплавского [29, с. 309–311]. Всестороннее рассмотрение значения «Парижской ноты» в эмигрантской литературе представлено в современных работах О.А. Коростелева [3, с. 3–51], С.Р. Федякина [11, с. 51–111; 10, с. 112–122], В.И. Хазана [12, с. 123–146] (все в специальном выпуске «Литературоведческого журнала»), А.И. Чагина [14].

22 Тем не менее Бем, в отличие от Слонима, впоследствии, в 1939 г., утверждал, что эмигрантская литература при всех своих серьезных проблемах вполне состоялась и была представлена как различными направлениями, так и творчеством целого ряда значимых авторов [22, с. 5]. Л. Ливак, считавший, что взгляды Бема и Ходасевича в отношении «парижской ноты» в целом совпадали, утверждает, что Бем равным образом был далек как от позиции Слонима, односторонне характеризуя ее как «вульгарный социологизм», так и от позиции «эстетствующего пораженчества Адамовича», «настаивавшего на том, что литературе необходимо «“умереть и воскреснуть”, как приносящему плод зерну» — позиция, которую Бем считал «декадентством» [6, с. 431].

23 Согласно Г.П. Федотову, общий для парижской ноты стилистический принцип состоял в том, чтобы «менее всего думать об искусстве, о форме, а только о том, для выражения чего она служит. Но так как это “что-то” еще не найдено, то часто кажется — для большинства со стороны всегда казалось, — что этот путь есть чистый нигилизм, разложение» [40, с. 359].

ми, послужит благодатной почвой для последующего развития искусства[24] [42, с. 4].

Адамович видел в качестве основного посыла всего направления «парижской ноты» художественное выражение индивидуумом своего трагического бытия в условиях духовно распадающегося мира, причем это самовыражение должно было быть связано не с поиском каких-либо поэтических форм, с помощью которых создается независимое от реального бытия художника произведение искусства, как считал Ходасевич, но с попыткой непосредственного воплощения художником самого себя через раскрытие истинного состояния своего духа в лишенных всякой красоты предельно честных и простых языковых формах. Согласно Л. Ливаку, Ходасевич был категорически не согласен с центральным постулатом для «Парижской школы» — утверждением о превосходстве «внелитературных реалий над художественным творчеством». Если Адамович «считал, что культурный кризис послевоенной Европы должен заставить писателя, хотя бы из жалости к духовной трагедии “современного” человека, пренебречь вопросами мастерства и вырваться из “литературной лжи” в область предельно искренней рефлексии о Боге и бытии» [6, с. 437], то Ходасевич «находил эти теории разрушительными для молодой словесности», потому что, по его мнению, «спад писательского мастерства угрожал гибелью литературе» [6, с. 437].

Как считал Г. Струве, Ходасевич занимал более обоснованную и последовательную позицию в этом споре, поскольку общие относящиеся к литературе теоретические воззрения Адамовича расходились с его «оценочными критериями» в отношении парижской ноты[25] [38, с. 153]. Сам Адамович впоследствии признавал в определенном виде «несостоятельность» этого неформального направления в своих поздних работах: «...злополучная, мало кого из современников прельстившая “нота” была бы громче, ярче, счастливее, увлекательнее, не одушевляй и не связывай нас сознание,

24 Подробнее об этой полемике между Г.В. Адамовичем и В.Ф. Ходасевичем см. в нашей статье «Дискуссия о русской эмигрантской литературе в журнале “Меч” и вокруг него» [9].

25 М. Цетлин считал, что именно «эгоцентрический» акцент во взглядах Адамовича, связанный с необходимостью раскрытия внутренней реальности человеческой души, «пусть даже раздробленной» и «упадочной», но приводящий к «правдивости и самоуглублению», был более оправдан и плодотворен, чем акцент Ходасевича, «зовущий к бодрости, разнообразию, повернутости лицом к миру» [44, с. 228].

что “теперь” или “никогда”... А при такой альтернативе дело почти всегда решается в пользу никогда, о чем мы не сразу догадались» [21, с. 150].

Как отмечал С.Р. Федякин, «позднее “отречение” Адамовича от своего детища, все его скептические реплики в адрес “ноты” были неизбежными следствиями того, что его эстетический подход к данному направлению делал почти невозможным какие-либо большие достижения в области искусства со стороны его представителей, несмотря на их несомненные литературные таланты» [10, с. 121]. В этом отношении, согласно Федякину, Ходасевич был во многом прав, пытаясь раскрыть всю пагубность воззрений Адамовича относительно литературного проекта парижской ноты [10, с. 121]. В своей поздней статье «Одиночество и свобода» (1954) Адамович выдвинул иную оценку значения эмигрантской литературы в целом, по сравнению с критическими статьями 1930-х гг., утверждая, что благодаря этой литературе оказалось спасено связанное с ней «русское достоинство».

Пересматривая свою прежнюю позицию, он отмечал, что вовсе не все в ней было так слабо» и серо «с художественной стороны», и, безусловно, невозможным оказалось утверждать, что эмигрантская литература не дала никаких ценных произведений [19, с. 7–43]. Трагичность положения «молодой литературы» была связана с тем, что русская эмиграция в целом никак ее не поддерживала и осталась в «неоплатном долгу перед ней». Эти претензии прежде всего предъявлялись к старым писателям, которые, как считал Адамович, не оценили надлежащим образом творчество молодых литераторов и «не поддержали их самопожертвованного служения русскому духу и русской культуре» [19, с. 30].

В итоге мы можем прийти к следующим выводам относительно полемики, посвященной различным путям развития русской литературы в эмиграции, развернувшейся в эмигрантской критике в 1920–1930-е гг., в которой участвовали М. Слоним, В. Ходасевич и Г. Адамович. Взгляды Слонима, считавшего, что эмигрантская литература — это лишь ветвь на общем стволе русской литературы, оставшейся в Советской России, можно охарактеризовать таким образом, что эмигрантская литература, отделенная от совершавшегося в России процесса литературного развития, будучи представлена в виде совокупности различных произведений, которые оставались неизвестными на Родине, не могла быть включена в состав единого общенационального литературного процесса.

Несмотря на то что Ходасевич противопоставлял свою позицию позиции Слонима, он также считал, что какая-либо литературная традиция, которая должна была представлять в эмиграции русскую литературу, так и не сложилась. Совокупность различных произведений отдельных авторов не смогла образовать того единства, которое можно было бы назвать эмигрантской литературой. Г. Адамович, критически относившийся к советской литературе, тем не менее, так же, как и Ходасевич, утверждал в своих критических статьях 1930-х гг., что в эмигрантской литературе не было ни обновления, ни свободы мысли в понимании происходящего. Критически воспринимая тезисы Слонима о возможном конце эмигрантской литературы, он приходит к таким же выводам применительно к ней: литература в эмиграции не может жить только воспоминаниями или воображением, которое не имеет никакого отношения к реальной жизни страны. Рассматривая тезис (его, в частности, придерживался и Ходасевич) о том, что быт и среда, описываемые писателем, не имеют никакого значения, Адамович замечает, что национальный язык в своем историческом развитии выражает сложную структуру и основные формы бытия народа, смысл которых раскрывается именно в быте и среде.

Положение русской литературы в эмиграции было трагично, согласно Адамовичу, именно потому, что в результате революционных преобразований в России возник новый мир, от которого надо было либо отказываться, либо принимать его таким, каким он стал, независимо от политических убеждений. В этом отношении в эмиграции русский человек оказывался лишен национального общественного бытия, пытаясь сохранить его видимость. Проблема также заключалась в том, что само по себе губительное для развития литературы состояние духовного кризиса (настроение распада и разложения) стало общим основанием существования молодой литературы, представленной в направлении «парижская нота», идейным вдохновителем которой, собственно, и стал Адамович. Если, согласно подходу Ходасевича, молодая литература не смогла осмыслить свое трагическое положение и понять для себя такие идеи, которые привели бы ее к открытию новых литературных форм, то Адамович считал, что главным для молодых литераторов является не открытие новых путей в искусстве, но художественное выражение индивидуумом себя в простых языковых формах.

Список литературы

Исследования

1 *Андреев Н.Ф.* О некоторых факторах развития зарубежной ветви русской литературы с 20-го по 40-й год // Одна или две русские литературы? Международный симпозиум, созванный факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской академией славистики (Женева, 13–15 апреля 1978). Лозанна: L'Age d'Homme, 1981. С. 91–102.

2 *Коростелев О.А.* Георгий Адамович в газете Милюкова «Последние новости» // *Адамович Г.В.* Собр. соч. Литературные заметки / под ред. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / предисл., подгот. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. С. 5–28.

3 *Коростелев О.А.* «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3–51.

4 *Коростелев О.А.* Пафос свободы: литературная критика русской эмиграции за полвека (1920–1970) // Критика русского зарубежья: в 2 ч. М.: Олимп; АСТ, 2002. Ч. 1. С. 3–35.

5 *Коростелев О.А.* Первая антология эмигрантской поэзии «Якорь» в переписке и отзывах современников // ЗарубежнаяРоссия. 1917–1939: сб. ст. СПб.: Ин-т истории РАН; Лики России, 2003. Кн. 2. С. 292–300.

6 *Ливак Л.К.* Критическое хозяйство Ходасевича // Диаспора: новые материалы. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 4. С. 391–456.

7 *Малевич О.* Три жизни и три любви Марка Слонима // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе / сост. М. Пархомовский. Иерусалим: М. Пархомовский, 1994. Т. III. С. 73–100.

8 *Петрова Т.Г.* Обсуждение природы литературной критики в эмигрантской прессе // Русское зарубежье: История и современность: сб. ст. М.: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 3 / ред.-сост. вып. Ю.В. Мухачев, Т.Г. Петрова. С. 128–133.

9 *Протопопова А.В., Протопопов И.А.* Дискуссия о русской эмигрантской литературе в журнале «Меч» и вокруг него // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 222–249. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-222-249

10 *Федякин С.Р.* Послесловие к «парижской ноте» // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 112–122.

11 *Федякин С.Р.* «Розановское наследие» и явление «парижской ноты» // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 51–111.

12 *Хазан В.И.* Из наблюдений над эмигрантской поэтикой // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 123–146.

13 *Чагин А.И.* Завещанная целостность // Русское зарубежье: История и современность: сб. ст. М.: ИНИОН РАН, 2013. Вып. 2 / ред.-сост. вып. Ю.В. Мухачев, Т.Г. Петрова. С. 137–157.

14 *Чагин А.И.* Пути и лица: о русской литературе XX века. М.:ИМЛИ РАН, 2008. 600 с.
15 *Челышев Е.П.* Ветвь на общем стволе. О литературном наследии российской эмиграции // Пространство и время. 2011. № 1 (3). С. 107–114.
16 *Эткинд Е.* Русская поэзия XX века как единый процесс // Одна или две русские литературы? Международный симпозиум, созванный факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской академией славистики (Женева, 13–15 апреля 1978). Лозанна: L'Age d'Homme, 1981. С. 9–30.

Источники

17 *Адамович Г.В.* Мысли и сомнения: О литературе в эмиграции // *Адамович Г.В.* Собр. соч. Литературные заметки: в 5 кн. СПб.: Алетейя, 2007. Кн. 2 («Последние новости» 1932–1933) / предисл., подгот. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. С. 7–15.

18 *Адамович Г.В.* О литературе в эмиграции // *Адамович Г.В.* Собр. соч. Литературные заметки: в 5 кн. СПб.: Алетейя, 2002. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / предисл., подгот. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. С. 510–523.

19 *Адамович Г.В.* Одиночество и свобода // *Адамович Г.В.* Одиночество и свобода. СПб.: Алетейя, 2002. С. 7–43.

20 *Адамович Г.В.* Памяти советской литературы // Русские записки. Общественно-политический и литературный журнал. 1937. № 2. С. 206–213.

21 *Адамович Г.В.* Поэзия в эмиграции // *Адамович Г.В.* Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2016. Т. 14: Комментарии (1967). Эссеистика 1923–1971. С. 143–157.

22 *Бем А.Л.* Русская литература в эмиграции // Меч. 1939. 22 января. (№ 4). С. 5.

23 *Бем А.Л.* Столичный провинциализм // Меч. 1936. 19 января. (№ 3). С. 6.

24 *Бунин И.А.* Миссия русской эмиграции // Руль. 1924. 3 апреля. (№ 1013). С. 5–6.

25 *Газданов Г.И.* О молодой эмигрантской литературе // *Газданов Г.И.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Эллис лак, 2009. Т. 1. С. 746–752.

26 *Гиппиус З.Н.* Полет в Европу // Критика русского зарубежья: в 2 ч. М.: Олимп; АСТ, 2002. Ч. 1. С. 45–59.

27 *Зайцев Б.К.* Изгнание // Русская литература в эмиграции: сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого; Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург: Изд-во Питтсбургского ун-та, 1972. С. 3–6.

28 *Осоргин М.А.* Российские журналы // Критика русского зарубежья: в 2 ч. М.: Олимп; АСТ, 2002. Ч. 1. С. 133–134.

29 *Поплавский Б.Ю.* О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. 1930. № 2–3. С. 308–311.

30 *Святополк-Мирский Д.П.* О современном состоянии русской поэзии // Критика русского зарубежья: в 2 ч. М.: Олимп; АСТ, 2002. Ч. 2. С. 395–429.

31 *Слоним М.Л.* «Воля России» // Русская литература в эмиграции: сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого; Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург: Изд-во Питтсбургского ун-та, 1972. С. 291–300.

32 *Слоним М.Л.* Десять лет русской литературы // Литература русского зарубежья: антология: в 6 т. М.: Книга, 1991. Т. 2: 1926–1930. С. 516–546.

33 *Слоним М.Л.* Живая литература и мертвые критики // Литература русского зарубежья: антология: в 6 т. М.: Книга, 1991. Т. 1. Кн. 2: 1920–1925. С. 382–386.

34 *Слоним М.Л.* Заметки об эмигрантской литературе // Воля России. 1931. № 7/9. С. 616–627.

35 *Слоним М.Л.* Литературный дневник: О литературной критике в эмиграции // Воля России. 1928. № 7. С. 58–75.
36 *Степун Ф.А.* Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый град. 1935. № 10. С. 12–28.
37 *Степун Ф.А.* Советская и эмигрантская литература 20-х годов // Критика русского зарубежья: в 2 ч. М.: Олимп; АСТ, 2002. Ч. 2. С. 276–293.
38 *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании [3-е изд., испр. и доп.] / вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.
39 *Терапиано Ю.* Расставание с эпохой // Новоселье. 1945. № 21. С. 54–59.
40 *Федотов Г.П.* О парижской поэзии // Критика русского зарубежья: в 2 ч. М.: Олимп; АСТ, 2002. Ч. 1. С. 354–362.
41 *Ходасевич В.Ф.* Литература в изгнании // *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. С. 256–268.
42 *Ходасевич В.Ф.* Новые стихи // Возрождение. 1935. 28 марта. (№ 3585). С. 4.
43 *Ходасевич В.Ф.* О советской литературе // *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. С. 419–426.
44 *Цетлин М.О.* О современной эмигрантской поэзии // Критика русского зарубежья: в 2 ч. М.: Олимп; АСТ, 2002. Ч. 1. С. 215–230.
45 *Цетлин М.О.* Эмигрантское // Критика русского зарубежья: в 2 ч. М.: Олимп; АСТ, 2002. Ч. 1. С. 207–215.
46 *Struve G.* The double life of Russian literature // Books abroad. 1954. Vol. 28. № 24. P. 389–406.

References

1 Andreev, N.F. “O nekotorykh faktorakh razvitiia zarubezhnoi vetvi russkoi literatury s 20-go po 40-i god” [“On Some Factors in the Development of the Foreign Branch of Russian Literature from the 20th to the 40th Year”]. *Odna ili dve russkie literatury? Mezhdunarodnyi simpozium, sozvannyi fakul’tetom slovesnosti Zhenevskogo universiteta i Shveitsarskoi akademiei slavistiki (Zheneva, 13–15 aprelia 1978)* [*One or Two Russian Literatures? International Symposium Convened by the Faculty of Letters of the University of Geneva and the Swiss Academy of Slavic Studies (Geneva, 13–15 April 1978)*]. Lausanne, L’Age d’Homme Publ., 1981, pp. 91–102. (In Russ.)

2 Korostelev, O.A. “Georgii Adamovich v gazete Miliukova ‘Poslednie novosti’.” [“Georgii Adamovich in Miliukov’s Newspaper ‘Latest News’.”]. Adamovich, G.V. *Sobranie sochinenii. Literaturnye zametki* [*Collected Works. Literary Notes*], book 1: “Poslednie novosti” 1928–1931 [“Last News” 1928–1931], ed. by O.A. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002, pp. 5–26. (In Russ.)

3 Korostelev, O.A. “‘Parizhskaia nota’ i protivostoianie molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoi literaturnoi emigratsii” [“‘Paris Note’ and Opposition of Youth Poetic Schools of Russian Literary Emigration”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 22, 2008, pp. 3–51. (In Russ.)

4 Korostelev, O.A. “Pafos svobody: literaturnaia kritika russkoi emigratsii za polveka (1920–1970)” [“Pathos of Freedom: Literary Criticism of Russian Abroad for Fifty Years (1920–1970)”]. *Kritika russkogo zarubezh’ia: v 2 ch.* [*Criticism of Russian Abroad: in 2 parts*], part 1. Moscow, Olimp Publ., AST Publ., 2002, pp. 3–35. (In Russ.)

5 Korostelev, O.A. “Pervaia antologiia emigrantskoi poezii ‘Iakor’’ v perepiske i otzyvakh sovremennikov” [“First Anthology of Emigré Poetry ‘Anchor’ in Correspondence and Contemporary Reviews”]. *Zarubezhnaia Rossiia. 1917–1939* [*Foreign Russia. 1917–1939*], book 2. St. Petersburg, Institute of the History of the Russian Academy of Sciences Publ., Liki Rossii Publ., 2003, pp. 292–300. (In Russ.)

6 Livak, L.K. “Kriticheskoe khoziaistvo Khodasevicha” [“Critical Heritage of Khodasevich”]. *Diaspora: novye materialy* [*Diaspora: New Materials*], issue 4. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 391–456. (In Russ.)

7 Malevich, O. “Tri zhizni i tri liubvi Marka Slonima” [“Three Lives and Three Loves of Mark Slonim”]. *Evrei v kul’ture russkogo zarubezh’ia: Stat’i, publikatsii, memuary i esse* [*Jews in the Culture of Russian Abroad: Articles, Publications, Memoirs and Essays*], comp. by M. Parkhomovskii, vol. 3. Ierusalim, M. Parkhomovskii Publ., 1994, pp. 73–100. (In Russ.)

8 Petrova, T.G. “Obsuzhdenie prirody literaturnoi kritiki v emigrantskoi presse” [“Discussion of the Nature of Literary Criticism in the Emigrant Press”]. *Russkoe zarubezh’e: Istoriia i sovremennost’: sbornik statei* [*Russian Abroad: History and Modernity: Collection of Articles*], issue 3, ed.-comp. by Iu.V. Mukhachev and T.G. Petrova. Moscow, ISISS RAS Publ., 2014, pp. 128–133. (In Russ.)

9 Protopopova, A.V., and I.A. Protopopov. “Diskussiia o russkoi emigrantskoi literature v zhurnale ‘Mech’ i vokrug nego” [“Discussion on Russian Émigré Literature in the ‘Mech’ Journal and Around It”]. *Studia litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 222–249. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-222-249 (In Russ.)

10 Fediakin, S.R. “Posleslovie k ‘parizhskoi note’.” [“An Afterword to the ‘Paris Note’.”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 22, 2008, pp. 112–122. (In Russ.)

11 Fediakin, S.R. “‘Rozanovskoe nasledie’ i iavlenie ‘parizhskoi noty’.” [“‘Rozanov Heritage’ and ‘Paris Note’ as a Phenomenon”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 22, 2008, pp. 51–111. (In Russ.)

12 Khazan, V.I. “Iz nabliudenii nad emigrantskoi poetikoi” [“Some Observations on Emigration Poetics”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 22, 2008, pp. 123–146. (In Russ.)

13 Chagin, A.I. “Zaveshchannaia tselostnost” [“Testamentary Integrity”]. *Russkoe zarubezh’e: Istoriia i sovremennost’: sbornik statei* [*Russian Abroad: History and Modernity: Collection of Articles*], issue 2, ed. by Iu.V. Mukhachev and T.G. Petrova. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, pp. 137–157. (In Russ.)

14 Chagin, A.I. *Puti i litsa: o russkoi literature XX veka* [*Ways and Faces: On Russian Literature of the 20th Century*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008. 600 p. (In Russ.)

15 Chelyshev, E.P. “Vetv’ na obshchem stvole. O literaturnom nasledii rossiiskoi emigratsii” [“Branch on a Common Trunk. On the Literary Heritage of Russian Emigration”]. *Prostranstvo i vremia*, no. 1 (3), 2011, pp. 107–114. (In Russ.)

16 Etkind, E. “Russkaia poeziia XX veka kak edinyi protsess” [“Russian Poetry of the 20th Century as a Single Process”]. *Odna ili dve russkie literatury? Mezhdunarodnyi simpozium, sozvannyi fakul’tetom slovesnosti Zhenevskogo universiteta i Shveitsarskoi akademiei slavistiki (Zheneva, 13–15 aprelia 1978)* [*One or Two Russian Literatures? International Symposium Convened by the Faculty of Letters of the University of Geneva and the Swiss Academy of Slavic Studies (Geneva, 13–15 April 1978)*]. Lausanne, L’Age d’Homme Publ., 1981. pp. 9–30. (In Russ.)